

Чайлд М.

Добрый
делам —
добрый
пути
ПУТЬ

Санки, которые
летают по
добрым делам

A young child with light brown hair, wearing a beige knit hat, a brown quilted jacket, blue jeans, and brown boots, sits on a wooden sled. The child is holding a rectangular wooden sign with both hands. The sign has the Russian text 'Добрый делам — добрый пути ПУТЬ' written on it in black, hand-painted letters. The sled is on a snowy surface, and the background consists of a rustic wooden fence or wall. The overall scene is set in a winter environment.

Чайлд М.

Санки, которые летают по добрым делам

<https://litres.ru/74600587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волшебная история о восьмилетнем Пете Воробьёве, который находит в старом сарае необычные санки с загадочной надписью «Добрым делам — добрый путь». Оказывается, эти санки, сделанные дедом мальчика, обладают удивительным свойством — они летают, когда их владелец совершает добрые поступки.

В деревне Ключи Петя помогает соседям расчищать снег, приносит воду старушке, чинит куклу одинокой девочке. И с каждым добрым делом санки поднимаются всё выше в небо. Мальчик учится понимать, что настоящее волшебство кроется не в самих санках, а в добром сердце и желании помогать другим.

Содержание

Глава 1. Тайна старого сарая	4
Глава 2. Первый настоящий полёт	23
Глава 3. Выше облаков	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чайлд М.

Санки, которые летают по добрым делам

Глава 1. Тайна старого сарая

Зима в этом году выдалась на редкость снежная. Ещё в конце ноября выпал такой пушистый, густой снег, что деревня Ключи, раскинувшаяся на берегу неспешной речушки, утонула в белом безмолвии. Дома, крыши, заборы, деревья — всё покрылось толстым слоем серебристого пуха, и казалось, будто кто-то огромный и очень добрый укутал всю округу тёплым одеялом. По утрам над трубами вился лёгкий дымок, пахло печкой и морозной свежестью, а где-то вдалеке лениво перебрехивались собаки.

В один из таких зимних дней, а если быть точным — в субботу, когда не нужно было идти в школу, Петя Воробьёв проснулся раньше всех в доме. Мальчику было восемь лет, он учился во втором классе и считал себя совершенно взрослым и самостоятельным человеком. Правда, бабушка с этим не соглашалась: она всё ещё заставляла его надевать поверх свитера тёплую жилетку, а на прогулку — шапку с помпоном и шарф, завязанный таким хитрым узлом, что развязать его

без посторонней помощи было решительно невозможно.

Петя лежал в своей кровати под тёплым лоскутным одеялом и смотрел в окно. Мороз разрисовал стекло затейливыми узорами: тут были и звёздочки, и веточки, и какие-то сказочные птицы с длинными хвостами. Сквозь эти ледяные кружева пробивался розоватый утренний свет — солнце только-только поднималось из-за дальнего леса.

— Петенька, вставай, — слышался из-за двери мягкий голос бабушки. — Завтрак на столе, оладушки стынут.

Петя потянулся, сладко зевнул и выбрался из-под одеяла. Пол был холодный, и мальчик быстро сунул ноги в пушистые тапочки в виде медвежьих лап. Он натянул штаны, свитер, который связала ему бабушка из толстой овечьей шерсти, и выбежал на кухню.

На кухне было тепло и уютно. Бабушка стояла у печи, ловко переворачивая оладушки на чугунной сковороде. Её звали Мария Ивановна, и она была самой лучшей бабушкой на свете — Петя в этом ни капельки не сомневался. Она умела печь пироги с яблоками, рассказывать сказки на ночь и лечить любую царапину одним только ласковым словом.

— Доброе утро, бабушка! — Петя плюхнулся на табуретку и схватил ложку.

— Доброе, доброе, — улыбнулась бабушка. — Руки помыл?

— Ой... — Петя виновато опустил глаза и побежал к ручкомойнику.

После завтрака, уплетая уже третью порцию оладушек со сметаной, Петя посмотрел в окно. На улице было ослепительно бело и очень красиво. Снег искрился на солнце, словно рассыпанные драгоценные камни. Мальчику тут же захотелось выбежать на улицу, покататься с горки, поиграть в снежки с соседскими ребятами.

— Бабушка, а можно я пойду гулять? — спросил он, вытирая рот салфеткой.

— Можно, — кивнула бабушка. — Только сначала помоги мне, пожалуйста. Воды в доме мало осталось, а мне ещё тесто ставить. Сходи в колодец, принеси ведро.

Петя вздохнул. Ему хотелось скорее на улицу, к друзьям, но послушаться бабушку он не мог. К тому же, он знал: если бабушка просит о помощи, значит, помощь действительно нужна.

— Хорошо, — сказал он. — А где ведро?

— В сених стоит, у двери. И варежки не забудь, на улице мороз.

Петя оделся тепло: натянул валенки, нахлобучил шапку, замотал шарф — на этот раз самостоятельно, чем очень гордился, — и выскочил во двор. Ведро, покрытое тонкой ледяной корочкой, стояло у двери. Петя схватил его и зашагал по протоптанной дорожке к колодцу, который находился за домом, на краю участка.

На улице было чудесно. Морозец пощипывал щёки, снег весело скрипел под валенками, а изо рта вырывались облачка

пара. Петя шёл и думал о том, как было бы здорово, если бы у него были санки. Настоящие, деревянные, с железными полозьями. Тогда он мог бы кататься с горки целыми днями и даже возить бабушку за дровами, чтобы ей не приходилось таскать тяжёлые поленья на себе.

У соседского забора Петя остановился. Там, опершись на лопату, стоял сосед — дядя Фёдор, пожилой мужчина с седой бородой и добрыми, чуть прищуренными глазами. Он тяжело дышал и вытирал пот со лба, хотя на улице было морозно.

— Здравствуйте, дядя Фёдор! — вежливо поздоровался Петя.

— А, Петька! Здорово, пострел, — улыбнулся сосед. — Куда это ты с ведром намылился?

— За водой. Бабушка тесто ставить собирается.

— Дело хорошее, — кивнул дядя Фёдор и снова взялся за лопату. — Вот, решил дорожку расчистить, да что-то тяжело мне стало. Спина болит, годы уже не те.

Петя посмотрел на дядю Фёдора, потом на его большой двор, заваленный снегом. Снега намело за ночь столько, что мужчина едва успел расчистить половину дорожки. Видно было, что соседу нелегко.

— Дядя Фёдор, а хотите, я вам помогу? — неожиданно для самого себя сказал Петя. — Я быстро. Сначала воды бабушке принесу, а потом вернусь и помогу.

Сосед удивлённо посмотрел на мальчика:

— А бабушка тебя отпустит?

— Отпустит, — уверенно кивнул Петя. — Она у меня добрая.

— Ну, коли так — милости прошу. Только валенки не промочи, а то простудишься.

Петя кивнул и побежал дальше к колодцу. Набрать воды оказалось не так-то просто: ведро было тяжёлое, а ворот крутился с трудом, скрипя и упираясь. Но мальчик справился. Он принёс воду домой, вылил её в большой бак на кухне и, не успев даже передохнуть, снова выскочил на улицу.

Бабушка выглянула в окно и покачала головой:

— Ты куда это так спешишь?

— Я дяде Фёдору помочь обещал! — крикнул Петя на бегу. — Дорожку расчистить!

Бабушка улыбнулась и перекрестила его в окошке, но Петя этого уже не видел. Он мчался к соседскому двору, схватил вторую лопату, которую дядя Фёдор оставил у забора, и принялся за работу.

Работать оказалось тяжело, но весело. Снег был лёгкий и пушистый, он так и разлетался в стороны, когда Петя орудовал лопатой. Дядя Фёдор работал рядом, и постепенно дорожка становилась всё длиннее и чище.

— Молодец, Петька! — подбадривал сосед. — Настоящий мужик растёшь. Вон как ловко у тебя получается.

Петя покраснелся, запыхался, но останавливаться не собирался. Ему было приятно, что его хвалят, и ещё приятнее

— что он делает что-то полезное. Когда дорожка была расчищена, дядя Фёдор хлопнул его по плечу:

— Ну, спасибо тебе, дружище. Выручил старика. Пойдём, я тебя чаем напою с вареньем.

— Спасибо, дядя Фёдор, но мне домой пора, — ответил Петя. — Бабушка, наверное, уже заждалась.

— Ну, беги, беги. И спасибо ещё раз.

Петя вернулся домой усталый, но очень довольный. Бабушка встретила его на пороге:

— Ну что, помог?

— Помог! — гордо ответил Петя. — Мы всю дорожку расчистили. Дядя Фёдор сказал, что я настоящий мужик.

— Это он правильно сказал, — улыбнулась бабушка и обняла внука. — А теперь мой руки и садись обедать. Щи уже готовы.

За обедом Петя всё никак не мог усидеть на месте. Ему хотелось рассказать бабушке обо всём: и про колодец, и про дядю Фёдора, и про то, как здорово было разгрести снег. Но одна мысль не давала ему покоя. Он давно мечтал о санках, а сегодня, когда он помогал соседу, ему вдруг вспомнилось, что где-то в сарае, в дальнем углу, среди всякого хлама, вроде бы лежали старые санки. Он видел их мельком ещё осенью, но тогда ему было не до них.

— Бабушка, — начал Петя, отодвигая пустую тарелку, — а в нашем сарае есть санки?

Бабушка задумалась. Она вытирала руки о передник и

смотрела куда-то в сторону, словно вспоминая.

— Санки... — протянула она. — Да, кажется, где-то были. Старые, ещё от деда твоего остались. Только я не уверена, что они в порядке. Может, сломались, а может, и вовсе нет их. Зарос сарай хламом, я туда давно не заглядывала.

— А можно я посмотрю? — тут же вскочил Петя. — Ну пожалуйста! Я осторожно, я ничего не сломаю.

— Иди уж, — махнула рукой бабушка. — Только оденься, в сарае холодно. И фонарик возьми, там темно.

Петя не заставил себя ждать. Он натянул валенки, накинул тулупчик, схватил со стола фонарик и выбежал во двор. Сарай стоял в глубине участка, за домом, рядом с дровяником. Это было старое деревянное строение, почерневшее от времени, с низкой дверью и щелястым потолком. Зимой туда почти не заходили, и сейчас сугроб у входа был нетронутым — значит, точно никто не ходил.

Петя с трудом отворил тяжёлую дверь — она скрипнула так громко, что мальчик невольно вздрогнул. Внутри пахло пылью, старой соломой и чем-то ещё, неуловимо знакомым, похожим на запах дедушкиного сундука. Луч фонарика запрыгал по стенам, выхватывая из темноты полки с банками, старые вёдра, сломанную тачку, какие-то мешки, инструменты. Всё это было покрыто густым слоем пыли, и казалось, что сарай хранит в себе целый мир забытых вещей.

Петя стал пробираться вглубь, осторожно переставляя ноги, чтобы ни обо что не споткнуться. Он заглядывал под пол-

ки, отодвигал мешки, но санок нигде не было. Уже почти отчаявшись, мальчик решил заглянуть в самый дальний угол, где стоял большой деревянный ящик, накрытый куском старой мешковины.

Петя откинул мешковину и ахнул. Под ней, прислонённые к стене, стояли санки. Не простые, а необыкновенно красивые. Они были сделаны из какого-то тёмного, почти чёрного дерева, с тонкой резьбой по бокам. Полозья были окованы блестящим металлом, который, казалось, светился в свете фонарика. На спинке, там, где обычно находится ручка для толкания, были вырезаны затейливые узоры — звёзды, снежинки и что-то ещё, похожее на распахнутые крылья.

Петя провёл рукой по дереву. Оно было гладким и тёплым, словно санки только что кто-то держал в руках. Мальчик потянул их на себя. Санки легко выскользнули из угла, будто обрадовались, что их нашли. Они были не тяжёлые, но и не лёгкие — в самый раз для восьмилетнего мальчика.

— Вот это да, — прошептал Петя. — Настоящие!

Он вытащил санки из сарая и поставил их на снег. Солнце уже клонилось к закату, и снег в его лучах казался розовым. Санки стояли и поблёскивали своими металлическими полозьями. Петя обошёл их кругом, рассматривая со всех сторон. На боку он заметил маленькую надпись, вырезанную тонкими буквами. Мальчик наклонился и прочитал вслух: — «Добрым делам — добрый путь».

Он не совсем понял, что это значит, но слова ему понравились.

вились. Они звучали как заклинание из сказки, которую бабушка рассказывала перед сном.

— Петя! — послышался голос бабушки. — Ты где там? Иди в дом, темнеет уже!

— Иду! — отозвался Петя, но с санками расставаться не спешил. Он взялся за верёвку, привязанную к переднему краю, и потянул. Санки легко поехали по снегу, оставляя за собой ровные полозья. Петя улыбнулся. Теперь у него есть санки! Настоящие, красивые, с резьбой и надписью. Завтра он пойдёт на горку и будет кататься до самого вечера.

Он поставил санки в сени, чтобы они не замёрзли на улице, и вошёл в дом. Бабушка уже накрывала на стол: на ужин был картофельное пюре с котлетами и солёные огурцы.

— Ну что, нашёл? — спросила она, увидев раскрасневшегося внука.

— Нашёл! — радостно кивнул Петя. — Такие красивые, бабушка! С резьбой, с узорами. И надпись на них есть: «Добрым делам — добрый путь».

Бабушка на мгновение замерла. Ложка, которой она помещивала чай, остановилась. Она посмотрела на Петю каким-то странным взглядом — словно хотела что-то сказать, но не решалась.

— Что? — не понял Петя. — Бабушка, ты чего?

— Ничего, милый, — покачала головой бабушка. — Просто вспомнила кое-что. Эти санки... их твой дедушка сделал. Давно, ещё когда молодой был. Он говорил, что они не про-

стые, а волшебные. Но я всегда думала, что это он так, для красного словца.

— Волшебные? — Петя даже задохнулся от восторга. — Настоящие волшебные?

— Не знаю, Петенька, — улыбнулась бабушка. — Может, и волшебные. А может, дедушка просто любил сказки. Ты ешь давай, остынет всё.

Петя сел за стол и принялся за еду, но мысли его были далеко. Волшебные санки! Неужели правда? Он вспомнил, как санки легко выскользнули из сарая, как тёплое дерево коснулось его ладони. Может, и правда в них есть что-то необычное?

После ужина Петя помог бабушке убрать со стола, вымыл посуду — без напоминаний, чем очень удивил бабушку, — и пошёл в свою комнату. Он лежал в кровати и смотрел в потолок, представляя, как завтра сядет в санки и они... полетят. Прямо над деревней, над лесом, над речкой. Высоко-высоко, туда, где облака.

— Добрым делам — добрый путь, — прошептал он. — Что бы это значило?

Он думал о дяде Фёдоре, которому сегодня помог расчистить снег. О бабушке, которой принёс воды. Как это связано с санками? Может, чтобы они полетели, нужно сделать что-то хорошее? Может быть, доброта — это ключ к волшебству?

Петя засыпал с улыбкой на лице. За окном тихо падал

снег, укутывая деревню своим белым покрывалом. А в сенях, прислонённые к стене, стояли санки. И если бы кто-то в этот момент пригляделся к ним повнимательнее, то заметил бы, как слабо мерцают их металлические полозья — словно в них отражается свет далёких зимних звёзд.

Петя ещё не знал, что его ждёт. Не знал, что санки действительно волшебные и что полетят они только тогда, когда он сделает что-то по-настоящему доброе. Не знал он и того, что впереди у него целая зима, полная удивительных приключений, новых друзей и важных дел.

Но одно Петя знал точно: завтра он обязательно проверит, что там, в этих санках, за секрет. И если для того, чтобы они полетели, нужно делать добрые дела — что ж, он готов. Ведь помогать людям — это и без всякого волшебства очень приятно.

С этой мыслью Петя закрыл глаза и заснул. Ему снилось, что он летит над заснеженными полями в своих санках, а рядом, улыбаясь, летит дедушка, которого он никогда не видел, но почему-то узнал сразу.

А снег всё шёл и шёл, замечая дорожки, крыши и деревья. И в этом снежном безмолвии, в маленьком деревенском доме, спал мальчик, который ещё не знал, что завтра начнётся самая удивительная зима в его жизни.

И где-то в глубине старого сарая, среди забытых вещей и пыльных мешков, остался висеть на гвозде кусок мешковины, которым Петя накрыл санки перед уходом. И если бы

кто-то спросил, почему мальчик так сделал, Петя, наверное, ответил бы: «Чтобы не замёрзли». Он был добрым мальчиком. И это было только начало.

Утро следующего дня выдалось ясным и морозным. Солнце поднялось над лесом и заиграло на снежных сугробах, словно хотело сказать: «Смотрите, как красиво!» Петя проснулся от того, что за окном чирикали воробьи. Они устроились на ветке старой рябины и о чём-то громко спорили, наверное, делили ягоды, которые бабушка ещё с осени не успела снять.

Петя вскочил с кровати и первым делом выглянул в окно. Снег за ночь намело ещё больше. Дорожки во дворе почти исчезли под белым покрывалом, и только там, где Петя вчера расчистил двор дяди Фёдора, виднелась тёмная полоска земли. Но сейчас мальчика это не огорчило. Ведь у него теперь есть санки! Настоящие, красивые, с резьбой.

Он быстро оделся, выбежал в сени и остановился. Санки стояли там же, где он их оставил, — прислонённые к стене, рядом с бабушкиными валенками. В утреннем свете, который проникал через маленькое окошко в двери, они казались ещё красивее. Резьба поблёскивала, металлические полозья тускло светились, а надпись «Добрым делам — добрый путь» словно стала ярче.

Петя провёл рукой по спинке санок. Дерево было прохладным, но под ладонью быстро нагревалось, словно санки узнали его и обрадовались.

— Ну что, — сказал Петя шёпотом, — сегодня проверим, какие вы волшебные.

Он вытащил санки на улицу и поставил их на снег. Санки стояли ровно, полозья чуть поблёскивали. Петя обошёл их кругом, потом сел сверху. Ничего не произошло. Санки стояли как вкопанные.

— Ладно, — вздохнул Петя. — Значит, нужно что-то другое.

Он вспомнил слова бабушки: «Добрым делам — добрый путь». Может быть, санки полетят только тогда, когда он сделает что-то хорошее? Но что именно? Он же уже помог дяде Фёдору и бабушке...

В этот момент из дома вышла бабушка, закутанная в тёплый платок. Она несла ведро с водой, чтобы вылить его в бочку у забора.

— Петенька, — окликнула она, — ты уже гулять собрался?

— Да, бабушка! — отозвался Петя. — Я санки вынес, хочу на горку сходить.

Бабушка поставила ведро на снег и вытерла руки о передник.

— На горку — это хорошо. Только сначала помоги мне, пожалуйста. Надо дров из поленницы принести, а то печка почти остыла.

Петя посмотрел на санки, потом на бабушку. Ему так хотелось скорее покататься, но он знал: бабушке одной с дро-

вами не справиться. И он кивнул:

— Конечно, бабушка. Сейчас принесу.

Он подошёл к поленнице, которая стояла у дальней стены сарая, и принялся складывать поленья в охапку. Дрова были сухие, берёзовые, и пахли так, что Петя невольно улыбнулся. Он принёс первую охапку, потом вторую, потом третью. Бабушка стояла у печки и укладывала дрова в топку, приговаривая:

— Вот спасибо, внучек. Вот молодец. Без тебя я бы до вечера провозилась.

Когда последнее полено легло в печку, бабушка закрыла дверцу и выпрямилась.

— Ну, теперь можно и на горку, — сказала она. — Только недолго, обед скоро.

Петя схватил санки и побежал к горке, которая находилась за околицей, у самого леса. Горка была большая, крутая, и с неё любила кататься вся деревенская детвора. Когда Петя подошёл, там уже было шумно и весело. Мальчишки и девочки съезжали вниз на санках, ледянках и даже на кусках картона. Стоял визг, смех, крики.

— Петька! — окликнул его соседский мальчик Витя. — Ты чего такой серьёзный? Смотри, какая горка!

Петя посмотрел на своих санки. Они стояли на снегу, поблёскивая полозьями. Мальчик вздохнул и сел на них. Санки стояли на месте. Он оттолкнулся ногами и поехал вниз. Ветер ударил в лицо, снежная пыль взметнулась вокруг, и Пе-

тя засмеялся. Было весело! Он съехал вниз, потом поднялся наверх и съехал снова. И ещё раз. И ещё.

Но каждый раз, когда он садился на санки и пытался взлететь, ничего не происходило. Санки ехали по снегу, как обычные санки. Они были лёгкие, быстрые, красивые, но не летали.

— Ну и ладно, — сказал Петя сам себе, отряхивая снег с варежек. — Может, бабушка что-то перепутала. Или дедушка просто пошутил.

Он уже собирался уходить домой, как вдруг заметил на другом конце горки маленькую девочку. Она стояла в стороне от всех и горько плакала. Её санки — простые, деревянные, без всякой резьбы — лежали перевёрнутые, а рядом валялась сломанная верёвка.

Петя подошёл ближе.

— Ты чего плачешь? — спросил он.

Девочка подняла на него заплаканные глаза. Она была совсем маленькая, лет пяти, в большом пуховом платке и валенках не по размеру.

— Санки... — всхлипнула она. — Верёвка порвалась... Теперь не покататься...

Петя посмотрел на сломанные санки, потом на свои. Ему стало жалко девочку. Она была такая маленькая, растерянная, и слёзы текли у неё по щекам, оставляя дорожки на покрасневшем лице.

— Как тебя зовут? — спросил Петя.

— Маша, — ответила девочка и шмыгнула носом.

— А где твои родители?

— Мама дома. Я одна пришла. Думала, покатаюсь...

Петя задумался. Он мог бы просто уйти, оставить её тут. Но что-то внутри него — то самое, что заставило его вчера помогать дяде Фёдору, — не позволило ему это сделать.

— Вот что, Маша, — сказал он. — Давай я тебя покатаю. На своих санках.

Девочка недоверчиво посмотрела на него:

— А ты не обманешь?

— Не обману. Честное слово.

Петя подвёл свои санки к Маше и помог ей сесть. Девочка была лёгкая, как пёрышко. Петя взялся за верёвку и потянул. Санки легко поехали по снегу. Маша сначала tense, но потом расслабилась и даже улыбнулась.

— Быстрее! — попросила она. — Пожалуйста, быстрее!

Петя побежал. Санки катились всё быстрее, снег летел в стороны, и Маша смеялась — звонко, весело, как умеют смеяться только маленькие дети. Они проехали вдоль всей горки, потом ещё раз, и ещё. Маша уже не плакала, она сияла от счастья.

— Спасибо тебе! — сказала она, когда Петя остановился.

— Ты самый добрый мальчик на свете!

Петя смутился. Он не считал себя особенным. Просто помог — вот и всё.

— Да ладно, — пробормотал он. — Это ничего.

В этот момент он почувствовал что-то странное. Санки под его ногами — он стоял рядом, держась за верёвку, — вдруг стали тёплыми. Не просто тёплыми, а горячими, словно их только что вытащили из печки. Петя посмотрел вниз и ахнул.

Металлические полозья санок светились. Не ярко, а мягко, как светлячки в летнюю ночь. Резьба на спинке тоже мерцала, и звёзды, вырезанные на дереве, казались теперь живыми — они переливались и двигались, словно настоящие созвездия.

— Что это? — прошептал Петя.

Маша ничего не заметила. Она встала с санок и побежала к своей маме, которая как раз появилась на другом конце горки. Петя остался один. Он смотрел на санки, и сердце его колотилось от волнения.

Санки светились всё сильнее. Потом Петя почувствовал, как они чуть-чуть приподнялись над снегом. Совсем немного, на палец, может быть, на два. Но они definitely оторвались от земли.

— Летят... — выдохнул Петя. — Они правда летят!

Он быстро сел на санки. И в тот же миг они плавно поднялись в воздух. Не высоко, всего на полметра, но Петя почувствовал, что земля под ним исчезла. Он парил! Настоящий полёт, пусть и невысокий, но самый настоящий!

Санки покачивались в воздухе, словно лодка на волнах. Петя вцепился в верёвку и засмеялся от восторга. Ветер тре-

пал его волосы, снежинки кружились вокруг, а внизу, под ногами, лежала заснеженная деревня.

— Ух ты! — крикнул Петя. — Ух ты!

Но санки вдруг снова опустились на снег. Свет померк. Полозья снова стали обычными, металлическими, холодными. Петя сидел на санках и не мог поверить в то, что только что произошло.

— Добрым делам — добрый путь, — прошептал он. — Значит, вот что это значит...

Он помог Маше, сделал доброе дело — и санки полетели. Пусть всего на несколько секунд, пусть невысоко, но полетели! Это было настоящее волшебство. И ключ к нему — добрые дела.

Петя встал с санок, отряхнул снег и посмотрел на небо. Солнце уже поднялось высоко, и день обещал быть чудесным. Мальчик улыбнулся. Теперь он знал, что делать. Он будет помогать всем, кому нужна помощь. Бабушке, дяде Фёдору, Маше, другим ребятам. И тогда санки полетят снова. И может быть, в следующий раз они поднимутся выше. Может быть, даже до самых облаков.

— Ну что ж, — сказал Петя санкам, словно живым существам. — Пойдём домой. Обед скоро. А потом... потом посмотрим, кому ещё нужна наша помощь.

Он взял санки за верёвку и пошёл домой. Санки послушно катились за ним по снегу, поблёскивая полозьями. И если бы кто-то прислушался, он услышал бы тихий, едва улови-

мый звон — словно маленькие колокольчики звенели где-то в глубине дерева, из которого были сделаны санки. Но Петя не слышал этого звона. Он шёл и думал о том, какие добрые дела ему ещё предстоит совершить.

А впереди его ждала целая зима. Зима приключений, волшебства и добрых дел. И Петя был готов к ним. Ведь теперь у него были не просто санки. У него были волшебные санки, которые летают по добрым делам.

И это было только начало.

Глава 2. Первый настоящий полёт

Дома Пети ждал обед, но мальчик так и не мог успокоиться. Он то и дело поглядывал в окно, где у крыльца стояли санки, и ему казалось, что они всё ещё слабо мерцают в лучах зимнего солнца. Сердце его билось часто-часто, а в голове крутилась одна и та же мысль: «Они летают! Они правда летают!» Бабушка, заметив его волнение, несколько раз спрашивала, всё ли в порядке, но Петя только отмахивался и говорил, что просто проголодался.

После обеда он помог бабушке убрать со стола, вытер посуду полотенцем и даже подмёл пол в кухне — без всяких напоминаний. Бабушка удивлённо покачала головой и сказала:

— Что-то ты сегодня, Петенька, сам не свой. Уж не заболел ли?

— Нет, бабушка, я здоров! — ответил Петя, целуя её в щёку. — Я просто... я просто хочу погулять ещё. Можно?

— Иди, конечно. Только далеко не уходи и к вечеру возвращайся. Мороз крепчает, слышишь, как ветер поднялся?

Петя кивнул, натянул валенки, тулупчик, шапку и выскочил на улицу. Санки стояли у крыльца, прислонённые к стене. Он взял их за верёвку и потянул за собой. Снег скрипел под ногами, ветер действительно усилился, и по небу поползли тяжёлые серые тучи. Но Пете было не до погоды. Он ду-

мал только об одном: кому бы помочь?

Он вышел за калитку и огляделся. Деревня Ключи была небольшая — десятка три домов, растянувшихся вдоль единственной улицы. За домами начинались огороды, а дальше — заснеженное поле, которое упиралось в тёмный еловый лес. Где-то вдалеке лаяла собака, из труб вился дым, и пахло печкой. Обычная деревенская зима.

Петя пошёл по улице, внимательно глядя по сторонам. Он искал, кому нужна помощь. Вот дом тёти Клавы, почтальонки. У неё во дворе — большая поленница, но дров наколото мало. Может, помочь? Но тётя Клава сама справляется, вон как ловко орудует топором. Вот дом дяди Миши, тракториста. У него во дворе стоит трактор, засыпанный снегом. Но дядя Миша — силач, ему любая работа нипочём. А вот у самого края деревни, в маленьком покосившемся домике, жила бабушка Агафья. Она была совсем старенькая, и Петя знал, что ей часто бывает трудно.

Мальчик направился к её дому. Дорожка к крыльцу была едва протоптана — видно, бабушка Агафья редко выходила на улицу. Сугроб у калитки вырос выше пояса, и Петя подумал, что старушке ни за что не перебраться через него. Он взял лопату, которая стояла у забора, и принялся расчищать проход. Санки он поставил рядом, у стены.

Работа шла быстро. Снег был лёгкий, пушистый, и лопата так и летала в руках. Петя расчистил дорожку от калитки до крыльца, потом убрал снег с крылечка, потом снова вернул-

ся к калитке. Он так увлёкся, что не заметил, как дверь дома открылась и на пороге показалась сама бабушка Агафья — маленькая, сторбленная, в тёплом платке и огромных валенках.

— Кто это тут хозяйничает? — спросила она хрипловатым голосом. — Никак Петька Воробьёв?

— Здравствуйте, бабушка Агафья! — отозвался Петя, вытирая пот со лба. — Я тут дорожку расчистил, а то у вас сугроб до самого окна вырос.

Бабушка Агафья всплеснула руками:

— Ох, Петенька! Вот спасибо тебе, родной! А то я уж думала, что до весны из дома не выберусь. Внуки-то мои далеко, в городе живут, а я тут одна. Спина болит, ноги не ходят... А ты вон какой молодец!

Петя смутился. Он не привык к похвале, и щёки у него стали пунцовыми — то ли от мороза, то ли от смущения.

— Да ладно, бабушка Агафья, это ничего. Я быстро. Вам ещё что-нибудь помочь?

Старушка задумалась. Она посмотрела на свои пустые сени, потом на Петю.

— Ох, Петенька, если тебе не трудно... Воды бы мне принести. Колодец-то далеко, а я уж третий день без воды сижу, снег топлю.

— Конечно, принесу! — воскликнул Петя. — Сейчас!

Он схватил два ведра, которые стояли у крыльца, и побежал к колодцу. Колодец был на другом конце деревни, но Пе-

тя не чувствовал усталости. Он набрал воды, принёс её бабушке Агафье, вылил в большую кадку в сенях. Потом сбегал ещё раз — набрал вторую пару вёдер. Потом принёс дров из её поленницы, наколол щепок для растопки, затопил печку.

Бабушка Агафья всё это время стояла в сторонке и только ахала:

— Вот так помощник! Вот так молодец! Дай Бог тебе здоровья, Петенька! И родителям твоим, и бабушке твоей!

Когда Петя закончил, в доме уже весело гудела печка, а на столе стоял горячий чайник. Бабушка Агафья усадила мальчика за стол и напоила чаем с мёдом и баранками. Чай был горячий, сладкий, и Петя чувствовал, как тепло разливается по всему телу.

— Спасибо, бабушка Агафья, — сказал он, допивая чай. — Мне пора. Бабушка дома ждать будет.

— Иди, иди, милый. И спасибо тебе ещё раз. Вот бы все дети такими были!

Петя вышел на улицу. Ветер усилился, и с неба уже падали первые снежинки — крупные, пушистые. Начиналась метель. Мальчик взял санки за верёвку и хотел уже идти домой, но тут заметил, что санки снова стали тёплыми. Он посмотрел на полозья — они слабо светились в сгущающихся сумерках.

— Летят? — прошептал Петя, чувствуя, как сердце замирает от восторга.

Он быстро сел на санки. И в тот же миг они плавно оторвались от земли. На этот раз выше, чем в первый. Санки поднялись на метр, потом на полтора, потом на два. Петя вцепился в верёвку и затаил дыхание.

Он парил! Над заснеженной улицей, над заборами, над крышами домов! Внизу проплывали сугробы, кусты, деревья. Ветер свистел в ушах, но не холодный, а тёплый, ласковый, словно летний. Санки покачивались в воздухе, как птица на восходящих потоках, и Петя чувствовал себя самым счастливым мальчиком на свете.

— Ух ты-ы-ы! — закричал он, и его голос разнёсся над деревней, но никто не услышал — все сидели по домам, спасаясь от метели.

Санки поднимались всё выше и выше. Вот они уже на высоте третьего этажа, вот — пятого. Петя видел под собой всю деревню: дома, огороды, речку, которая тёмной полосой вилась среди белых полей. А вдалеке темнел лес — огромный, дремучий, таинственный.

Вдруг санки вздрогнули и начали медленно опускаться. Петя почувствовал, как волшебство уходит: полозья остывали, свет померк. Через несколько секунд санки мягко коснулись снега. Мальчик сидел на них, тяжело дыша, и не мог поверить в то, что только что произошло.

— Это было... это было... — прошептал он, но не мог подобрать слов. Никакие слова не могли описать то чувство, которое он испытал. Полёт! Настоящий полёт! Он летал над

деревней, как сказочный герой, как Икар, как... как волшебник!

Петя встал с санок и посмотрел на них. Теперь они снова были обычными — тёмное дерево, металлические полозья, резьба. Но Петя знал: это только до следующего доброго дела.

— Добрым делам — добрый путь, — повторил он надпись на боку санок и улыбнулся. — Теперь я понял. Чем больше добра — тем выше полёт.

Он взял санки за верёвку и пошёл домой. Метель разыгралась не на шутку. Снег летел в лицо, ветер толкал в спину, но Пете было тепло и радостно. Он помог бабушке Агафье — и санки отблагодарили его полётом. Это было честно. Это было правильно.

Дома бабушка уже волновалась:

— Петенька! Где ты ходишь? Я уж думала, ты заблудился в метели!

— Я не заблудился, бабушка, — ответил Петя, снимая мокрый тулупчик. — Я помогал бабушке Агафье. Воду принёс, дров наколот, печку затопил.

Бабушка всплеснула руками:

— Ох, Петенька! Да ты у меня настоящий помощник растёшь! А бабушка Агафья-то как рада, наверное!

— Очень рада, — кивнул Петя. — Она меня чаем напоила.

Он сел на табуретку и стал стягивать валенки. Бабушка

посмотрела на него внимательно и вдруг спросила:

— Петенька, а санки-то твои как? Катался?

Петя замер. Он не знал, что ответить. Рассказать правду? Что санки летают? Что они волшебные? Бабушка, наверное, не поверит. Или поверит? Она ведь сама сказала, что дедушка считал их волшебными.

— Катался, — ответил Петя, немного подумав. — Они очень хорошие, бабушка. Быстрые.

— Ну и славно, — улыбнулась бабушка. — Дедушка твой был мастер. Он эти санки сам делал, своими руками. Говорил, что дерево для них в лесу выбрал — не простое, а особенное. Из такого дерева, говорил, только хорошие вещи получаются.

Петя наострил уши:

— А что за дерево?

— Не знаю, милый. Он мне не рассказывал. Только говорил, что оно светится, если его добрыми делами согреть. Но я тогда не поняла, о чём это он. Молодая была, глупая. А теперь вот думаю: может, и не сказки это были.

Бабушка замолчала и задумалась о чём-то своём. Петя тоже молчал. Он думал о дедушке, которого никогда не видел, но который почему-то казался ему сейчас очень близким. Дедушка сделал санки. Дедушка знал их секрет. И теперь этот секрет открылся Пете.

— Бабушка, — тихо сказал он, — а дедушка был добрым?

— Очень добрым, Петенька. Он всем помогал. Никому не

отказывал. Если кто-то просил о помощи, он бросал все свои дела и шёл. За это его все в деревне любили.

Петя кивнул. Теперь ему стало окончательно ясно: санки не просто так летают. Они созданы для добрых дел. Дедушка делал добрые дела — и санки ему помогали. Теперь черёд Пети.

— Бабушка, а можно я завтра опять пойду гулять? — спросил он.

— Конечно, можно. Только не забывай про уроки. Тебе ещё задание по чтению делать.

— Не забуду, — пообещал Петя. — Я всё сделаю. И уроки, и по дому помогу. А потом... потом погуляю.

Бабушка улыбнулась и погладила его по голове:

— Вот и хорошо. А теперь мой руки и садись ужинать. Я сегодня пирог с капустой испекла.

За ужином Петя ел пирог и думал о своём. Он думал о бабушке Агафье, которой завтра, наверное, опять понадобится помощь. О дяде Фёдоре, у которого опять намело снега. О маленькой Маше, которой он помог покататься на санках. И о других людях, которым, может быть, тоже нужна помощь.

Он думал о том, что добрые дела — это не просто что-то хорошее. Это ключ. Ключ к волшебству. К полёту. К чему-то большому и важному, что пока ещё скрыто от него.

А санки стояли в сенях, прислонённые к стене. И если бы кто-то приложил к ним ухо, он услышал бы тихий звон — словно маленькие колокольчики пели свою тихую песню.

Но никто не слышал. Только Петя, засыпая в своей кровати, улыбался и чувствовал, что санки где-то рядом. Ждут. Ждут нового утра, новых добрых дел и новых полётов.

Ночь была тихая. Метель улеглась, и на небе высыпали звёзды — крупные, яркие. Петя смотрел в окно и думал о дедушке. Ему казалось, что одна из звёзд — это дедушка. Смотрит на него с неба и улыбается. И, может быть, гордится своим внуком.

— Добрым делам — добрый путь, — прошептал Петя в темноту. — Я запомню. Я буду делать добро. И санки полетят. Высоко-высоко. До самых звёзд.

Он закрыл глаза и заснул. А за окном тихо падал снег, укрывая деревню тёплым одеялом. И в этом снежном безмолвии, в маленьком деревенском доме, спал мальчик, который уже знал, что такое настоящее волшебство. И волшебство это было не в санках. Оно было в добром сердце.

Утро следующего дня началось с крика петуха. Петя проснулся, потянулся и тут же вспомнил вчерашний полёт. Сердце его радостно забилося. Он вскочил с кровати, оделся и выбежал на кухню. Бабушка уже хлопотала у печки.

— Доброе утро, бабушка! — крикнул Петя.

— Доброе, доброе, — отозвалась бабушка. — Ты чего такой весёлый с утра пораньше?

— Просто хорошее настроение! — ответил Петя и тут же принялся помогать: принёс дров, наколот щепок, подмёл пол.

Бабушка только головой качала:

— Ну, не знаю, что на тебя нашло, но мне нравится. Такой помощник растёт!

После завтрака Петя сел за уроки. Он быстро сделал задание по математике, прочитал рассказ по чтению, написал упражнение по русскому языку. Ему хотелось поскорее закончить, чтобы пойти гулять и делать добрые дела. Ведь теперь он знал: каждое доброе дело — это шаг к новому полёту.

Закончив с уроками, Петя оделся и выбежал на улицу. Санки стояли у крыльца, припорошённые ночным снегом. Мальчик взял их за верёвку и отправился в путь.

Первым делом он пошёл к бабушке Агафье. Старушка уже проснулась и сидела у окна. Увидев Петю, она заулыбалась и замахала рукой.

— Петенька! Пришёл! А я как раз думала, кого бы попросить мне помочь.

— А что случилось, бабушка Агафья? — спросил Петя.

— Да вот, внуки мои должны приехать на выходные. Из города. А у меня в доме не прибрано, пыль везде, половики не выбиты. Хотела сама, да куда уж мне... Спина совсем не гнётся.

Петя кивнул:

— Я помогу! Что нужно делать?

— Ох, Петенька... Половики бы выбить, пыль протереть, посуду помыть. Да я и сама не знаю, с чего начать...

— Не волнуйтесь, бабушка Агафья. Мы всё сделаем. Я быстро.

Петя снял тулупчик, повесил его на гвоздик у двери и принялся за работу. Он вынес половики во двор и выбил их палкой — снег так и полетел в стороны. Потом вернулся в дом, взял тряпку и протёр пыль со всех полок, со стола, с подоконников. Потом вымыл посуду, которая скопилась в раковине. Потом подмёл пол и даже вымыл его.

Бабушка Агафья ходила за ним следом и только ахала:

— Вот так помощник! Вот так молодец! Да у меня никогда так чисто не было!

Когда Петя закончил, дом сиял чистотой. Пахло свежестью и мылом. Бабушка Агафья прослезилась:

— Петенька, родной... Я не знаю, как тебя благодарить. Ты такое доброе дело сделал!

— Да ладно, бабушка Агафья, — смутился Петя. — Это же просто. Мне не трудно.

— Не трудно ему! — всплеснула руками старушка. — А ты знаешь, что такое доброта? Это когда человек делает что-то хорошее не потому, что его заставляют, а потому что у него сердце доброе. Вот у тебя сердце доброе, Петенька. Дай Бог тебе счастья!

Петя попрощался с бабушкой Агафьей и вышел на улицу. Санки стояли у крыльца. Мальчик взял их за верёвку и почувствовал, как они снова стали тёплыми. Полозья слабо зашумели. Волшебство возвращалось.

Он отошёл подальше от дома, чтобы никто не увидел, сел на санки и приготовился. Сердце его колотилось. Санки плавно поднялись в воздух — сначала на метр, потом на два, потом на три. Петя парил над землёй, и дух захватывало от восторга.

На этот раз он поднялся выше, чем вчера. Он видел всю деревню — дома, заборы, огороды. Видел речку, которая блестела на солнце. Видел лес — тёмный, таинственный, манящий. Ему хотелось полететь туда, к лесу, но он не решался. Вдруг там что-то опасное?

Санки покачивались в воздухе, и Петя чувствовал себя птицей. Он раскинул руки, словно крылья, и засмеялся от счастья. Это было ни с чем не сравнимое чувство — свобода, лёгкость, полёт!

Вдруг внизу он заметил что-то странное. У околицы деревни, там, где начиналось поле, стоял маленький домик — почти развалившийся, с покосившейся крышей и забитыми окнами. Петя никогда раньше не обращал на него внимания. А сейчас, с высоты, он увидел, что из трубы этого домика идёт дым. Значит, там кто-то живёт?

Санки стали медленно опускаться. Петя приземлился на краю поля, недалеко от странного домика. Он встал с санок и прислушался. Из домика доносились какие-то звуки — словно кто-то плакал. Петя подошёл ближе. Дверь была приоткрыта, и он заглянул внутрь.

В маленькой комнатке, у печи, сидела девочка. Она бы-

ла примерно ровесницей Пети, может, чуть младше. Одета она была бедно — в старенькое пальтишко, латанные валенки. Девочка плакала, утирая слёзы рукавом.

— Ты чего плачешь? — спросил Петя, входя в дом.

Девочка вздрогнула и обернулась. У неё были большие серые глаза, полные слёз, и светлые волосы, заплетённые в две тонкие косички.

— Кто ты? — спросила она испуганно.

— Я Петя. Из деревни. А ты кто?

— Я Лена. Мы с мамой недавно сюда переехали. Мама на работу ушла, а я одна. И... и у меня кукла сломалась. Любимая. Вот...

Она показала Пете тряпичную куклу. У куклы оторвалась рука, и голова держалась на честном слове. Было видно, что кукла старая, но очень любимая — девочка прижимала её к себе, словно боялась потерять.

Петя посмотрел на куклу, потом на Лену. Ему стало жалко девочку. Она была такая грустная, такая одинокая. И кукла у неё сломалась.

— А давай я починю? — предложил Петя.

— Ты умеешь? — недоверчиво спросила Лена.

— Не знаю. Но попробую. У бабушки есть иголка и нитки. Я быстро сбегаю.

Петя выбежал из домика, схватил санки и помчался домой. Бабушка как раз собиралась печь пироги.

— Бабушка, бабушка! — закричал Петя с порога. — Дай

мне, пожалуйста, иголку и нитки!

— Что случилось? — всполошилась бабушка. — Ты порвал что-то?

— Нет, не я. Там девочка одна, Лена. У неё кукла сломалась. Я хочу починить.

Бабушка посмотрела на него внимательно, потом улыбнулась и достала из шкатулки иголку с ниткой.

— Вот, возьми. Только осторожно, не уколись.

Петя схватил иголку и побежал обратно. Лена ждала его у окна. Увидев, что он вернулся, она обрадовалась.

— Принёс! — сказал Петя, запыхавшись. — Давай куклу.

Он сел на табуретку и принялся за работу. Это оказалось не так-то просто — пришить руку и голову тряпичной кукле. Но Петя старался. Он протыкал ткань иголкой, тянул нитку, завязывал узелки. Пальцы плохо слушались, и он несколько раз укололся, но не сдавался.

Лена сидела рядом и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ты такой добрый, — тихо сказала она. — Я думала, что никто мне не поможет. Мы тут никого не знаем. Мама всё время на работе, а я одна.

Петя поднял на неё глаза:

— А почему вы сюда переехали?

— Папа у нас умер, — ещё тише сказала Лена. — Мы жили в городе, но там стало трудно. Мама нашла работу здесь, в деревне. Только работу... и дом вот этот. Он старый, но мама

говорит, что мы его починим. Когда-нибудь.

Петя ничего не ответил. Он думал о том, как тяжело, наверное, Лене. Потерять папу, переехать в незнакомое место, жить в старом доме... Ему стало очень жалко девочку. Он пришил руку, потом голову, закрепил нитки и протянул куклу Лене.

— Готово, — сказал он. — Держи.

Лена взяла куклу и прижала её к груди. По её щекам снова потекли слёзы, но на этот раз это были слёзы радости.

— Спасибо, Петя! — воскликнула она. — Спасибо тебе! Ты самый лучший!

Петя смутился:

— Да ладно. Это просто. Я рад, что помог.

Он попрощался с Леной и вышел на улицу. Санки стояли у крыльца. Петя взял их за верёвку и почувствовал, как они снова стали тёплыми. Волшебство вернулось. Он сел на санки, и они плавно поднялись в воздух. Выше, чем в прошлый раз. Гораздо выше!

Петя парил над деревней, над полем, над лесом. Ветер свистел в ушах, снежинки кружились вокруг. Он видел всё сверху — и маленький домик Лены, и свой дом, и бабушку Агафью, которая махала ему рукой из окна. Он летел!

И в этот момент Петя понял: санки летают не просто за добрые дела. Они летают за доброе сердце. За то, что он помог Лене, не потому что хотел покататься, а потому что ему было её жалко. Потому что он хотел сделать ей хорошо.

— Добрым делам — добрый путь, — прошептал Петя. — Теперь я знаю. Теперь я точно знаю.

Санки поднялись ещё выше. Петя видел под собой облака — лёгкие, пушистые. И ему казалось, что он может долететь до самого солнца. Но санки стали медленно опускаться. Волшебство уходило. Петя приземлился на краю деревни, недалеко от своего дома.

Он встал с санок, отряхнул снег и посмотрел на небо. Солнце уже клонилось к закату, и небо было розовым, как варенье. Петя улыбнулся. Он сделал ещё одно доброе дело. И санки снова полетели. Всё было правильно.

Дома бабушка ждала его с ужином. На столе дымились картошка с грибами, пахло пирогами.

— Петенька, — сказала бабушка, — а я видела, как ты летал.

Петя замер. Он не знал, что ответить.

— Ты... видела?

— Видела, — кивнула бабушка. — Я выглянула в окно, а ты вон там, над полем, паришь. Я сначала думала, показалось. А потом смотрю — нет, точно ты. На санках. Летишь.

Петя опустил глаза:

— Бабушка, я...

— Не бойся, — улыбнулась бабушка. — Я не сержусь. Я знала, что эти санки не простые. Дедушка твой говорил, что они летают. Я не верила. А теперь вижу — правда.

Петя поднял на неё глаза:

— Ты не сердишься?

— За что? За то, что ты добрые дела делаешь? За то, что помогаешь людям? Разве за это сердятся?

Бабушка подошла к нему и обняла.

— Ты у меня хороший мальчик, Петенька. Добрый. В де-душку пошёл. Он тоже всем помогал. И ты помогаешь. Только будь осторожен, ладно? Высоко не летай. А то я волноваться буду.

Петя кивнул:

— Хорошо, бабушка. Я буду осторожен.

Они сели ужинать. Петя ел пироги и рассказывал бабушке про Лену, про её сломанную куклу, про то, как он помог бабушке Агафье. Бабушка слушала и улыбалась.

— Хорошо, что ты помогаешь, — сказала она. — Только знаешь что, Петенька?

— Что?

— Добрые дела — это не только вода, дрова и расчищенный снег. Это ещё и доброе слово. И внимание. И умение выслушать. Вот ты сегодня Лене помог. А завтра, может, кому-то ещё поможешь. Главное — не очерстветь душой. Понимаешь?

Петя задумался. Он не совсем понимал, что значит «очерстветь душой», но что-то важное в словах бабушки было. Что-то настоящее.

— Я понял, бабушка, — сказал он. — Я буду стараться.

После ужина Петя пошёл в свою комнату. Он лежал в кро-

вати и смотрел в потолок. За окном выл ветер, и снег бился в стекло. Но Пете было тепло и уютно.

Он думал о Лене. О том, как она обрадовалась, когда он починил куклу. О том, как она сказала: «Ты самый лучший». И ему стало так хорошо на душе, что он улыбнулся в темноте.

— Добрым делам — добрый путь, — прошептал он. — Я буду делать добрые дела. Много. Каждый день. И санки полетят. Высоко-высоко. До самых звёзд.

Он закрыл глаза и заснул. А санки стояли в сенях, приклонённые к стене. И если бы кто-то приложил к ним ухо, он услышал бы тихий звон — словно маленькие колокольчики пели свою песню. Песню о доброте, о полёте и о мальчике, который умел делать добро.

А утром Петя проснулся с новой мыслью. Он понял, что добрые дела не заканчиваются. Они продолжаются. Каждый день. Каждый час. И санки будут летать. Всё выше и выше. Потому что доброта — это крылья. А у Пети Воробьёва были самые настоящие крылья — волшебные санки, которые летают по добрым делам.

И это было только начало.

Глава 3. Выше облаков

Прошла неделя. Петя и сам не заметил, как втянулся в новую жизнь. Каждое утро он просыпался с радостным чувством, что сегодня обязательно случится что-то хорошее. Он помогал бабушке по дому, носил воду, колол дрова, чистил дорожки. Потом бежал в школу, а после уроков отправлялся на поиски добрых дел. Санки стояли в сених и терпеливо ждали своего часа. И каждый раз, когда Петя делал что-то по-настоящему доброе, они отвечали ему волшебством — поднимали его в воздух, всё выше и выше.

За эту неделю Петя совершил много добрых дел. Он помог дяде Фёдору починить забор, который покосился от снега. Принёс бабушке Агафье продукты из магазина, потому что ей было тяжело ходить по скользкой дороге. Вместе с соседскими ребятами расчистил каток на замёрзшем пруду, чтобы всем было где кататься. И каждый полёт становился всё дольше и всё выше. Петя уже мог подняться над крышами домов, парить над деревней, любоваться закатом с высоты птичьего полёта.

Но в то утро всё пошло не так, как обычно.

Петя проснулся от того, что за окном выл ветер. Не просто выл — ревел, как огромный зверь, бросался на стены дома, тряс ставни, завывал в печной трубе. Мальчик выглянул в окно и ничего не увидел, кроме белой крутящейся мглы.

Метель! Настоящая снежная буря!

— Бабушка! — крикнул Петя, выбегая на кухню. — Там такое творится!

Бабушка стояла у печки и подкладывала дрова. Лицо у неё было озабоченное.

— Вижу, Петенька. Буря разыгралась не на шутку. В такую погоду из дома выходить нельзя — заблудишься в двух шагах от крыльца.

— А в школу? — спросил Петя.

— Какая школа, Петенька! Слышишь, что на улице делается? Никто сегодня в школу не пойдёт. Я уж и радио слушала — передали, что буря на весь день. Так что сидим дома.

Петя вздохнул. Сидеть дома целый день, когда за окном воеет метель, — занятие не самое весёлое. Но делать нечего. Он помог бабушке принести дров, растопить печку, приготовить завтрак. Потом сел за уроки — раз в школу не идти, можно и позаниматься. Он прочитал рассказ, написал упражнение, решил несколько примеров. Время шло медленно.

К обеду метель не утихла. Она стала ещё сильнее. Ветер с такой силой бился в окна, что стёкла дрожали. Снег залепил все окна, и в доме стало темно, хоть лампы зажигай. Бабушка ходила по кухне и всё поглядывала в окно.

— Ох, беда-то какая, — приговаривала она. — Не приведи Господь кому-то в такую погоду в дороге оказаться.

Петя сидел на диване и читал книжку про путешествия.

Но мысли его были далеко. Он думал о санках. Сегодня они стояли в сених, холодные и тусклые. Волшебство не приходило без добрых дел. А какие добрые дела в такую погоду? Сиди дома, не высовывайся.

Вдруг в дверь кто-то постучал. Не просто постучал — забарабанил, заколотил изо всех сил.

— Кто там? — встрепелась бабушка.

Петя вскочил и бросился к двери. Он открыл её и увидел на пороге дядю Фёдора. Сосед был весь в снегу, с головы до ног. Шапка сбилась набок, борода обледенела, глаза красные от ветра. Он тяжело дышал.

— Мария Ивановна! — выпалил он с порога. — Беда! У Агафьи труба завалилась! Снегом забило! Она одна в доме, печка дымит, угореть может!

Бабушка всплеснула руками:

— Ох, Господи! Что же делать? В такую метель не добраться до неё!

— Я пытался! — крикнул дядя Фёдор, вытирая снег с лица. — Пошёл, но в двух шагах ничего не видно. Заблудился, чуть в сугробе не остался. Еле вернулся. Одному не дойти!

Петя слушал их разговор, и сердце его колотилось. Бабушка Агафья! Она одна, в старом доме, с забитой трубой! Печка дымит, и она может угореть! Надо что-то делать! Но что? В такую метель даже взрослый мужчина не может пройти по деревне.

И тут Петя вспомнил про санки.

Он бросился в сени. Санки стояли у стены. Мальчик схватил их за верёвку и почувствовал, как они стали тёплыми. Полозья слабо засветились.

— Петя! — крикнула бабушка. — Ты куда?

— Я спасу бабушку Агафью! — крикнул Петя, натягивая тулупчик.

— Что ты говоришь?! — бабушка выбежала в сени. — В такую погоду! Я тебя не пушу!

— Бабушка, у меня санки! Они волшебные! Я на них долетел! — Петя смотрел ей прямо в глаза. — Я знаю дорогу! Я вижу сверху! Я смогу!

Бабушка замерла. Она смотрела на внука, и в её глазах боролись страх и надежда. Дядя Фёдор, стоявший в дверях, переводил взгляд с Пети на бабушку и обратно.

— Мария Ивановна, — тихо сказал он, — если мальчик говорит правду... если санки действительно летают... это единственный шанс.

Бабушка закрыла глаза, глубоко вздохнула, потом открыла их и посмотрела на Петю.

— Иди, — сказала она. — Но будь осторожен. Пожалуйста, будь осторожен.

Петя кивнул. Он вытащил санки на улицу. Ветер ударил в лицо, снег залепил глаза. Мальчик сел на санки и закрыл глаза, сосредоточившись. Санки поднялись в воздух — сначала медленно, потом быстрее. Вот они уже над крыльцом, вот над крышей. Ветер завывал, снег крутился вокруг, но Пе-

те было тепло — санки словно укрывали его невидимым покрывалом.

Он поднимался всё выше и выше. Метель бушевала внизу, но здесь, наверху, было тихо и спокойно. Петя открыл глаза и посмотрел вниз. Деревня была видна как на ладони — дома, заборы, дороги, занесённые снегом. Всё было белым-бело, и только кое-где пробивались сквозь метель огоньки — тёплые, жёлтые окна домов.

Петя направил санки в сторону дома бабушки Агафьи. Он летел над самой деревней, и ветер не мог достать его здесь, на высоте. Санки скользили по воздуху плавно и уверенно, словно знали дорогу. Вот дом дяди Фёдора, вот школа, вот колодец... А вот и покосившийся домик бабушки Агафьи на краю деревни.

Петя стал снижаться. Он приземлился прямо у крыльца, в сугроб. Санки мягко коснулись снега, и волшебство ушло. Петя вскочил и бросился к двери. Она была не заперта. Он вбежал в дом и сразу почувствовал запах дыма. Не хорошего, печного дыма, а угарного, тяжёлого. В комнате было темно и душно.

— Бабушка Агафья! — крикнул Петя.

Никто не ответил. Мальчик бросился в комнату. Старушка лежала на кровати, бледная, без движения. Петя подбежал к ней, схватил за руку. Рука была холодная, но старушка дышала — слабо, тяжело.

— Бабушка Агафья! — крикнул Петя. — Проснитесь!

Он открыл окно — с трудом, потому что его заклинило от мороза. Свежий воздух хлынул в комнату, и угарный дым начал выходить. Петя выбежал на улицу, схватил санки и вернулся в дом. Он поднял бабушку Агафью — она была лёгкая, как пушинка, — и положил её на санки. Укутал своим тулупчиком.

— Потерпите, бабушка Агафья, — прошептал он. — Сейчас полетим.

Он сел на санки рядом со старушкой. Санки были маленькие, но бабушка Агафья была такая худая и лёгкая, что поместилась. Петя сосредоточился изо всех сил. И санки поднялись. Медленно, тяжело, но поднялись. Они взлетели над домом, над деревней. Петя летел к своему дому, к бабушке.

Ветер бил в лицо, снег хлестал по щекам, но Петя не обращал внимания. Он держал бабушку Агафью, чтобы она не упала, и направлял санки к дому. Вот показался знакомый забор, крыльцо. Петя стал снижаться. Санки мягко приземлились прямо у дверей.

— Бабушка! — закричал Петя. — Дядя Фёдор! Помогите!

Дверь распахнулась. Бабушка и дядя Фёдор выбежали на крыльцо. Увидев Петю и бабушку Агафью на санках, они ахнули.

— Жива? — выдохнула бабушка.

— Дышит, — ответил Петя. — Угарный дым. Я окно открыл, но ей плохо.

Дядя Фёдор подхватил бабушку Агафью на руки и занёс

в дом. Бабушка побежала за лекарствами. Петя остался на крыльце. Он сидел на санках, тяжело дыша, и чувствовал, как холод пробирает до костей. Тулупчик он оставил на бабушке Агафье, и теперь ему было холодно. Но он не чувствовал холода. Он чувствовал только облегчение. Он успел!

В доме началась суeta. Бабушка поила бабушку Агафью горячим чаем, дядя Фёдор топил печку, чтобы в доме стало теплее. Петя сидел в углу и смотрел на всё это. Через некоторое время бабушка Агафья открыла глаза. Она слабо улыбнулась и прошептала:

— Петенька... Ты меня спас...

— Я не мог иначе, бабушка Агафья, — ответил Петя. — Вы бы там погибли.

Старушка заплакала. Бабушка Петьки тоже вытирала слёзы. Дядя Фёдор стоял у окна и смотрел в сторону, чтобы никто не видел, как он украдкой смахивает слезу.

— Ну что, герой, — сказал он наконец, — пойдём, что ли, трубу Агафьину починим? Пока метель не утихла, надо успеть.

Петя вскочил:

— Пойдём!

Они оделись — бабушка дала Пете свой старый тулуп, чтобы он не замёрз, — и вышли на улицу. Метель всё ещё бушевала, но ветер стал слабее. Дядя Фёдор взял лопату, верёвку и фонарь. Петя — санки.

— А санки-то зачем? — удивился дядя Фёдор.

— На них быстрее, — ответил Петя. — Я вас довезу.

Дядя Фёдор посмотрел на него с сомнением, но спорить не стал. Он сел на санки, и Петя сосредоточился. Санки поднялись в воздух. Дядя Фёдор охнул и вцепился в верёвку.

— Господи Иисусе! — выдохнул он. — Летим!

— Не бойтесь, дядя Фёдор, — улыбнулся Петя. — Санки хорошие. Они не уронят.

Они пролетели над деревней и приземлились у дома бабушки Агафьи. Дядя Фёдор выбрался из санок, всё ещё бледный от пережитого.

— Ну и ну, — пробормотал он. — Век живи, век удивляйся.

Они поднялись на крышу. Труба была забита снегом и льдом. Дядя Фёдор принялся расчищать её лопатой, а Петя помогал — сбрасывал снег вниз. Работали они долго, но упорно. Ветер мешал, снег залеплял глаза, но они не сдавались. Наконец труба была очищена. Дядя Фёдор осмотрел её и покачал головой:

— Ещё бы немного, и совсем бы завалилась. Но теперь ничего, продержится. Надо будет потом кирпич подмазать, но это уже весной.

Они спустились вниз. В доме было холодно, но дыма уже не было. Дядя Фёдор затопил печку, и вскоре в комнате стало тепло. Петя посмотрел на санки. Они стояли в углу, и от них шло слабое свечение.

— Дядя Фёдор, — сказал Петя, — а давайте я вас домой

отвезу? Быстрее будет.

Дядя Фёдор посмотрел на него и улыбнулся:

— А давай, Петька. Покатаюсь ещё раз на твоих волшебных санях.

Они полетели обратно. Дядя Фёдор уже не боялся — он смеялся и махал руками, как мальчишка. Петя улыбался. Ему было приятно, что он может помочь не только бабушке Агафье, но и дяде Фёдору. Ведь дядя Фёдор тоже сделал доброе дело — пошёл спасать соседку, рисковал собой.

Когда они вернулись домой, бабушка Агафья уже сидела на диване, укутанная в одеяла. Она пила чай и улыбалась. Увидев Петю, она протянула к нему руки:

— Петенька! Иди сюда, мой спаситель!

Петя подошёл, и старушка обняла его. От неё пахло мёдом и лекарствами, но это был самый приятный запах на свете.

— Ты знаешь, что ты сделал? — прошептала она. — Ты жизнь мне спас. Если бы не ты...

— Бабушка Агафья, — смутился Петя, — не надо. Я просто помог. Это санки. Они волшебные.

— Санки санками, — сказала старушка, — а доброе сердце — это твоё. Никакие санки не полетят, если у человека сердце злое. А у тебя сердце доброе, Петенька. Золотое.

Петя не знал, что ответить. Он просто стоял и держал бабушку Агафью за руку. Бабушка Петьки смотрела на них и улыбалась, а по её щекам текли слёзы. Но это были хорошие слёзы. Слёзы радости.

Вечером, когда бабушка Агафья уснула, а дядя Фёдор ушёл домой, Петя сидел у окна и смотрел на улицу. Метель улеглась. Небо очистилось, и на нём высыпали звёзды — крупные, яркие, как алмазы. Петя думал о том, что сегодня он сделал самое важное доброе дело в своей жизни. Он спас человека. Он не думал о себе, не боялся метели, не жалел сил. Он просто помогал. И санки летели. Высоко-высоко.

Бабушка подошла и села рядом.

— О чём думаешь, Петенька? — спросила она.

— О том, что добрые дела — это главное, — ответил Петя.
— Всё остальное — ерунда. Даже волшебство.

Бабушка погладила его по голове:

— Правильно, внучек. Волшебство — это только награда. А главное — доброта. Ты сегодня настоящий герой.

Петя улыбнулся. Он чувствовал, как усталость наваливается на него. Глаза слипались. Но перед тем как лечь спать, он вышел в сени и посмотрел на санки. Они стояли, прислонённые к стене, и слабо мерцали в темноте.

— Спасибо, — прошептал Петя. — Спасибо, что помогли.

Санки тихо звякнули — словно колокольчики. Петя улыбнулся и пошёл спать. Он заснул мгновенно, как только голова коснулась подушки. И ему снился полёт — высокий, красивый, над заснеженной деревней, над лесом, над облаками. Он летел на санках, и рядом летели бабушка, бабушка Агафья, дядя Фёдор, Лена и все, кому он помог. Они улыбались и махали ему руками. И Петя понимал: это счастье. Настоя-

щее счастье — когда ты делаешь добро и видишь, что другим стало хорошо.

Утром следующего дня метель окончательно утихла. Солнце выглянуло из-за туч и осветило заснеженную деревню. Всё было белым-бело, чисто и празднично. Петя проснулся поздно — бабушка не стала его будить. Она уже хлопотала на кухне, пекла блины. Запах стоял такой, что Петя проснулся сам.

— Доброе утро, бабушка! — крикнул он, выбегая на кухню.

— Доброе, доброе, герой! — улыбнулась бабушка. — Садись, блины готовы.

Петя ел блины и думал о вчерашнем дне. Ему было приятно вспоминать, как он летел сквозь метель, как спас бабушку Агафью, как дядя Фёдор назвал его героем. Но больше всего ему запомнились слова бабушки Агафьи: «У тебя сердце доброе. Золотое». Он не знал, что это значит — золотое сердце. Но звучало красиво.

После завтрака Петя оделся и вышел на улицу. Санки стояли у крыльца. Он взял их за верёвку и пошёл по деревне. Дорожки были занесены снегом, и Петя понял: сегодня у всех будет много работы. Надо помочь. Он подошёл к дому дяди Фёдора. Сосед уже стоял во дворе с лопатой.

— О, Петька! — обрадовался он. — А я как раз думал, кого бы позвать на помощь. Снега-то сколько навалило!

— Я помогу, дядя Фёдор! — сказал Петя.

Они взялись за лопаты и принялись расчищать двор. Работали дружно, весело. Дядя Фёдор рассказывал Пете про свою молодость, про то, как он служил в армии, как строил дома. Петя слушал и удивлялся, сколько всего интересного знает дядя Фёдор.

— А вы не боялись вчера? — спросил Петя. — Ну, когда мы летели?

— Боялся, — честно признался дядя Фёдор. — Ещё как боялся. Но знаешь, что я понял?

— Что?

— Что если рядом такой мальчишка, как ты, то ничего не страшно. Ты вон в метель полетел, не побоялся. А я что, хуже? Тоже не побоюсь.

Петя смутился. Ему было приятно, что дядя Фёдор его хвалит. Они расчистили двор, потом пошли к бабе Клавде, потом к дяде Мише. К обеду вся деревня знала о Петинем подвиге. Мальчишки и девчонки смотрели на него с восхищением, взрослые улыбались и хвалили. А Петя просто помогал. Ему было неловко от внимания, но в то же время радостно.

После обеда он пошёл к Лене. Домик на краю деревни, где жила девочка с мамой, был почти занесён снегом. Петя расчистил дорожку, убрал снег с крыши — она могла провалиться под тяжестью. Лена выбежала на крыльцо и всплеснула руками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.